

Сравнительный индексный анализ устойчивости политической системы (на примере Китая и Турции)

Намазов О. Б.* , Кулеш С. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *namazov-ob@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Данное исследование посвящено сравнительному индексному анализу источников стабильности политических систем Китайской Народной Республики и Турецкой Республики.

Цель работы: выявить и сопоставить институциональные, идеологические, политические и социальные механизмы, обеспечивающие их устойчивость к внутренним и внешним вызовам.

Научная новизна заключается в применении единой аналитической модели Гаджиева—Семченкова с количественной оценкой (баллы устойчивости) к двум различным типам политических систем, что позволяет системно сравнить их адаптационные стратегии.

Методология основана на компаративном анализе с синтезом данных из академических, статистических публикаций, социологических опросов и официальных документов за период 2020–2025 гг.

Результаты проведенного исследования показывают, что устойчивость КНР базируется на инфраструктуре Китайской коммунистической партии, идеологическом синтезе, экономической эффективности и подавлении инакомыслия, тогда как в Турции она обеспечивается концентрацией власти, тактической гибкостью элит, апелляцией к консервативным ценностям и контролем над силовым аппаратом, но подвержена рискам из-за экономических проблем и социальной поляризации.

Ограничением исследования является ретроспективно-аналитический характер, не позволяющий провести эмпирическую проверку причинно-следственных связей. Перспективными направлениями будущих исследований являются изучение трендов устойчивости в условиях смены политических элит, а также сравнительный анализ внутренних легитимизирующих нарративов и их восприятия населением.

Ключевые слова: Китай, Турция, устойчивость, политические системы, Китайская коммунистическая партия, Партия справедливости и развития, Партия националистического действия.

Для цитирования: Намазов О. Б., Кулеш С. А. Сравнительный индексный анализ устойчивости политической системы (на примере Китая и Турции) // Управленческое консультирование. 2026. № 2. С. 228–238. EDN WLVCVM

Comparative Index Analysis of the Stability of the Political System (On the Example of China and Turkey)

Orhan B. Namazov*, Semyon A. Kulesh

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, St. Petersburg, Russian Federation; *namazov-ob@ranepa.ru

ABSTRACT

In the context of the search for models of political stability in illiberal contexts, we conduct a comparative analysis of the sources of stability of the political systems of China and Turkey. The aim of the work is to identify and compare the institutional, ideological and social mechanisms that ensure their resilience to internal and external challenges. The scientific novelty lies in the application of a single analytical model with a quantitative assessment (stability scores) to two

different types of authoritarian systems: institutional-ideocratic (PRC) and personalist-populist (Turkey), which allows a systematic comparison of their adaptation strategies. The methodology is based on comparative analysis with the synthesis of data from academic publications, official documents and opinion polls for the period 2020–2025. The main results show that the stability of China is based on the centralized institutions of the Chinese Communist Party, ideological synthesis, economic efficiency and suppression of the opposition, while the stability of Turkey is ensured by the concentration of power, tactical flexibility of the elites, appeal to conservative values and control over the security apparatus, but is subject to risks due to economic problems and social polarization. The limitation of the study is its retrospective and analytical nature, which does not allow empirical verification of cause-and-effect relationships..

Keywords: China, Turkey, sustainability, political systems, Chinese Communist Party, Justice and Development Party, Nationalist Action Party.

For citation: Namazov O. B., Kulesh S. A. Comparative Index Analysis of the Stability of the Political System (On the Example of China and Turkey) // Administrative consulting. 2026. N 2. P. 228–238. EDN WLVCVM

Введение

В условиях глобальной нестабильности актуален вопрос об источниках и механизмах устойчивости нелиберальных политических систем. Несмотря на исследования авторитарных режимов, сравнительный анализ их форм — морально-идеократической и персоналистско-популистской — остается недостаточно разработанным. Теоретическая концепция стабильности политической системы обсуждается, например, К. Уолтц, автор определяет ее как состояние, позволяющее системе сохранять существование без распада [1, с. 48]. Анализ политической стабильности также проведен К. О. Телиным [5], а сравнительный анализ эволюции концептов — М. Б. Бобылевым и Е. Б. Ковалевой [2]. Однако отсутствие единого подхода к определению и измерению стабильности затрудняет сравнение систем.

Современные исследования фокусируются либо на отдельных кейсах (например, устойчивость Китайской Народной Республики (КНР) [24]), либо на трансформации режимов (в частности, в Турции) [30], однако сравнительный анализ систем Китая и Турции с выделением их адаптационных стратегий практически отсутствует.

Настоящее исследование призвано заполнить этот пробел. Научная новизна заключается в использовании единой аналитической модели Гаджиева — Семченкова [4], которая позволяет количественно оценить устойчивость обеих систем и сравнить их институциональные, идеологические и социальные механизмы. Цель исследования: выявить, сопоставить и оценить ключевые факторы, которые обеспечивают устойчивость политических систем Китая и Турции к внутренним и внешним вызовам в период 2020–2025 гг.

Материалы и методы

Выбор КНР и Турции в качестве объектов исследования обусловлен их важной ролью в мировой политике и наличием у обеих стран уникальных моделей развития, сочетающих элементы демократии, авторитаризма и традиций, что создает интерес для тестирования концепции устойчивости.

Основой исследования служит комплексный подход к оценке устойчивости политической системы, разработанный Х. А. Гаджиевым и А. С. Семченковым [3]. Устойчивость в их понимании — это способность системы сохранять свою сущность и ключевые параметры под воздействием внутренних и внешних дестабилизаторов, что обеспечивается внутренними характеристиками, особенно в плоскостях «политика — власть» и «власть — общество».

Для операционализации применяется индекс устойчивости: средневзвешенное по 17 характеристикам, сгруппированным в три категории по важности: первая — важнейшие для самосохранения, вторая — конфигурация политического поля и институции, третья — функциональные и коммуникативные аспекты. Каждая характеристика оценивается по десятибалльной шкале. Исследование основывается на данных 2020–2025 гг., включая официальную статистику, социологию, СМИ и научные публикации. Расчет показателя производится по формуле:

$$\frac{(\sum(i*10)+\sum(j*7)+\sum(k*5))}{(10+7+5)*10} \times 100,$$

где i, j, k — средние оценки характеристик в группах. Далее проводится сравнительный анализ устойчивости систем Китая и Турции, выявляются общие закономерности и особенности каждой страны. В работе также используется метод вторичного анализа данных и компаративный анализ, что позволило всесторонне оценить степень политической устойчивости данных стран.

Результаты и обсуждение

Политическая система КНР обладает централизованными ресурсами и механизмами для эффективного кризисного реагирования, включая жесткий контроль и иерархическую структуру Коммунистической партии Китая (КПК), что обеспечивает быстрое принятие решений и высокий уровень социальной мобилизации [8, р. 378]. Эти механизмы сочетают элементы жесткого контроля и адаптивности, что подтверждает опыт пандемии COVID-19 [16, р. 321].

Система укоренена в традиционных ценностях коллективизма и социальной гармонии. Руководящая роль КПК и идеологические концепции, такие как «Китайская мечта» и «Тянься», создают легитимную модель социализма с китайской спецификой, подкрепленную системой образования и идеологической деятельностью [6, с. 267].

Несмотря на внутренние противоречия, вызванные, например, напряженностью в Гонконге, Синьцзяне и Тибете, а также экологическими и социальными вызовами, в обществе сохраняется сильная гражданская идентичность, формируемая через систему образования и идеологию. Правительство пользуется высоким доверием за счет экономического развития и эффективных действий в кризисных ситуациях, что усиливает сплочение общества вокруг руководства [12].

В основном элита сплачивается вокруг КПК, но ее поддержка непостоянна и неравномерна [12]. Система воспроизводства элиты через ведущие университеты [29] и масштабная антикоррупционная (анти-тигровая) кампания способствуют укреплению лояльности и легитимности режима [10].

Правительство пользуется высоким уровнем доверия населения, чему способствуют экономическое развитие и повышение уровня жизни. Поддержка дополнительно укрепляется благодаря эффективному реагированию правительства на кризисы, использованию технологий и патриотическому воспитанию. Внешние вызовы, как правило, сплачивают общество вокруг его руководства.

Политическая система препятствует появлению реальной оппозиции. Существующие демократические партии играют лишь консультативную роль в многопартийной системе, возглавляемой КПК. Любая деятельность за пределами этих рамок строго подавляется, как показывают избирательные реформы в Гонконге¹.

¹ Beijing tightens grip as Hong Kong heads for legislature polls without opposition [Электронный ресурс] // The Tribune. 2025. December 08. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/world/beijing-tightens-grip-as-hong-kong-heads-for-legislature-polls-without-opposition/> (дата обращения: 12.12.2025).

Все органы безопасности (армия, полиция и органы государственной безопасности) находятся под абсолютным контролем КПК [22], и их влияние на политику осуществляется строго в рамках партийной политики, способствуя поддержанию внутренней стабильности и национального суверенитета [25, р. 390].

Правопорядок поддерживается властями и военизированными формированиями, обладающими широкими полномочиями и сосредоточенными на борьбе с преступностью и поддержании внутренней безопасности [21, р. 812]. Также они имеют контроль над киберпространством, идеологический контроль и противодействуют «нетрадиционным угрозам» [28].

Конституция менялась под влиянием внутренних потребностей, что вызывает вопросы о долгосрочной стабильности. Эффективность системы определяется балансом формальных законов и неформальных норм, таких как «гуаньси», которые часто компенсируют институциональные недостатки, но могут способствовать теневым практикам [7, р. 73].

Идеологический фундамент сочетает социализм с национальным комплексом, в том числе конфуцианскими и националистическими элементами. Концепции типа «Китайской мечты» и идеи о «бенеvolentном авторитаризме» служат для поддержания легитимности и мобилизации населения [18, р. 129].

Внешние вызовы, такие как торговая война или тайваньский вопрос, используются как факторы объединения элиты и населения в рамках идеи «национального возрождения». При этом важную роль играет система обратной связи, включающая цифровые механизмы сбора информации и корректировки политики. Однако участие общественности в принятии решений остается ограниченным, что снижает эффективность обратной связи [15].

Контроль информационного пространства является важнейшей частью внутренней стабильности, достигаемой через законодательство, цензуру и технический мониторинг контента, что позволяет управлять общественным мнением во время кризисов [10, р. 195].

С другой стороны, Китай утвердился в качестве глобального игрока благодаря своим активным экономическим и дипломатическим стратегиям (идея «Сообщества единого будущего человечества», инициатива «Один пояс, один путь», ШОС, БРИКС+). Экономические возможности Китая, растущая военная мощь и ядерный арсенал делают его устойчивым к внешнему давлению, а ключевые риски несут сугубо внутренний характер [14].

Если говорить об обновлении элиты, то система предусматривает регулярную ротацию руководителей, главным образом на партийных съездах каждые пять лет. Кадровая политика, включая антикоррупционные кампании, служит средством укрепления лояльности элиты, контроля и долгосрочной стабильности системы [29, р. 49].

Политическая система КНР, согласно аналитической модели, характеризуется высокой и в целом стабильной устойчивостью: 7,3 балла (см. рис. 1). Выявленные механизмы устойчивости китайской системы — централизация, идеологическая мобилизация и приоритет коллективной стабильности — поднимают вопрос, являются ли эти факторы универсальными для устойчивых нелиберальных систем, или же стабильность может быть достигнута принципиально иными способами? Для ответа на этот вопрос необходимо изучить политическую систему современной Турции.

Переходя к рассмотрению турецкого кейса, следует сказать, что политическая система Турции продемонстрировала способность преодолевать критические ситуации, оставаясь устойчивой на протяжении многих лет. Переход к президентской системе (2017–2018 гг.) позволил сконцентрировать в руках главы государства механизмы управления, позволяющие оперативно реагировать на вызовы [11].

**Целевые и фактические показатели реализации
Одиннадцатого плана развития Турции**

Table 1. Target and actual indicators of the implementation of the Eleventh Development Plan

Основные индикаторы	Планируемые результаты на 2023 г.	Фактические результаты на 2023 г.	Фактические результаты на 2025 г.
ВВП, номинальный (в долларах США)	1,080 млрд	1,15 млрд	1,57 млрд
ВВП на душу населения, номинальный (в долларах США)	12,484	13,520	18,200
Уровень безработицы, %	9,9	9,4	8,3
Уровень инфляции, %	5	53,9	34,9

Источник: составлено авторами по данным: Datasets, Republic of Türkiye [Электронный ресурс] // IMF. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/TUR> (дата обращения: 14.12.2025).

Система государственного и муниципального управления Турции за рассматриваемый период (2020–2025 гг.) столкнулась с комплексом кризисов (экономическим, миграционным, последствиями пандемии COVID-19 и разрушительного землетрясения 2023 г.) [13, р. 3; 23, р. 15]. Усиление вертикали власти, персонализация управления и использование административного ресурса позволили достичь «краткосрочной стабилизации» (до окончания президентского срока Эрдогана в 2028. — *прим. авт.*), однако вопрос о долгосрочной устойчивости остается открытым.

В политической ориентации турецкого общества наблюдается сдвиг вправо, с глубокой укорененностью религиозно-консервативных ценностей [31, р. 141]. Апелляция власти к ценностям семьи, национального величия и исламской идентичности обеспечивает поддержку консерваторов, но ведет к поляризации и недоверию со стороны либералов. Социологические опросы фиксируют стабильную поддержку электората, но также и экономическое недовольство и снижение доверия к правительству². Поддержка Партии справедливости и развития (ПСР) и Р. Т. Эрдогана, хотя и остается существенной, демонстрирует тенденцию к снижению³.

Показателен Одиннадцатый план развития (2019–2023 гг.): инфляция достигла 53,9 %, что является заметной неудачей (см. табл. 1). В целом власть успешна в инфраструктурных проектах и внешней политике, но не справляется с экономическими проблемами и обеспечением верховенства права⁴.

В турецком обществе сохраняются устойчивые социокультурные и политические расколы (включая турецко-курдское противостояние), однако сильный государственный аппарат и гибкая политика не позволяют им перерасти в кризис управляемости [17].

Ядром правящей коалиции является ПСР, внутри которой карьерный рост зависит от личной преданности Р. Т. Эрдогану. Можно констатировать высокую

² How people in Turkey view their government [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2024. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2024/10/16/how-people-in-turkey-view-their-government/> (дата обращения: 14.12.2025).

³ Milletvekili ve Cumhurbaşkanı Seçimi Oy Oranları — Kasım 2025 (Как бы вы проголосовали на выборах депутатов и президента — ноябрь 2025 г.) // Gundemar. 2025. URL: <https://www.gundemar.com/arastirmalarimiz/milletvekili-ve-cumhurbaskani-secimi-oy-oranlari-kasim-2025> (дата обращения: 14.12.2025).

⁴ Türkiye Overall Rule of Law Score Over Time [Электронный ресурс] // World Justice Project. 2025. URL: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/country/2025/T%C3%BCrkiye> (дата обращения: 14.12.2025).

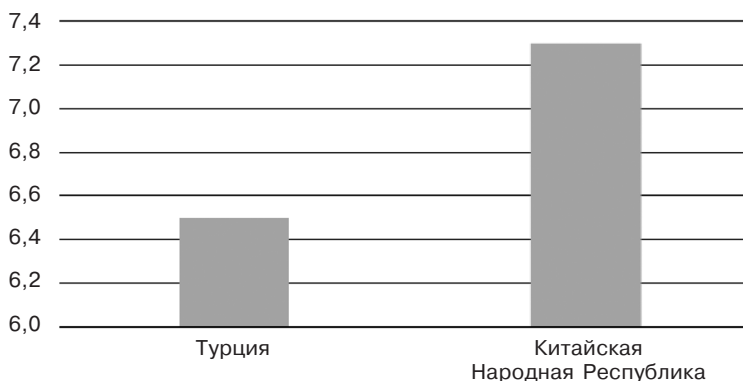

Рис. 1. Индекс устойчивости политической системы Турции и Китая
Fig. 1. The index of stability of the political system of Turkey and China

Источник: составлено авторами.

степень сплоченности правящих элит, включая бизнес-элиты и обновленные после 2016 г. бюрократию и силовой аппарат, вокруг лидера. Систематическое давление на оппозицию не привело к ее устранению в качестве важного политического игрока.

Турецкие силовые структуры находятся под полным контролем гражданской власти, что способствует обеспечению внутренней безопасности, несмотря на наличие угроз. На внешней арене Турция позиционирует себя как ключевой независимый региональный игрок⁵.

Идеология Р. Т. Эрдогана и ПСР, основанная на исламских ценностях, и антизападный дискурс, характерный для всего политического спектра, углубляют поляризацию общества [27, р. 265]. Власть ослабила демократические институты и сделала контроль над медиасферой своей главной опорой. По мнению экспертов, в Турции сформировалась неопатримониальная система, основанная на неформальных практиках и личной лояльности лидеру [9].

Таким образом, политическая система Турции характеризуется средним уровнем устойчивости: 6,5 балла (см. рис. 1), балансируя между эффективностью в кризисном управлении и долгосрочными структурными проблемами.

Сравнивая источники устойчивости политических систем Китая и Турции (см. табл. 2), можно отметить, что легитимность в Китае достигается через консенсус, рост благосостояния и идеологию, а в Турции — через мобилизацию электората и поляризацию общества.

Лояльность элит основана на институциональных связях и элитных учебных заведениях, тогда как в Турции сплочение элит основано на личной лояльности президенту и идеологическом единстве правящей коалиции (ПСР и ПНД), что делает систему зависимой от одного лица. Оппозиция в Турции остается значимой, контролируя муниципалитеты, но подвергается административному и медийному давлению.

Что касается роли силовых структур, то здесь намечаются схожие тенденции: силовые структуры подчинены правящим режимам, но в Китае это больше историческая норма, тогда как в Турции это результат политической борьбы. Экономика КНР представляется сильной и стабильной, тогда как Турция сталкивается с инфляцией

⁵ Risk, Leverage, Autonomy: Turkey's Options in a U.S.-China World [Электронный ресурс] // Belfer Center. 2025. URL: <https://www.belfercenter.org/research-analysis/risk-leverage-autonomy-turkeys-options-us-china-world> (дата обращения: 14.12.2025).

**Расчет баллов по характеристикам индекса устойчивости
политических систем Гаджиева—Семченкова**

Table 2. Calculation of scores based on the characteristics
of the Gadzhiev—Semchenkov index of stability of political systems

№	Наименование характеристики	КНР (баллы)	Турция (баллы)
1	Ресурсы и механизмы политической системы для преодоления критических ситуаций	10	8
2	Соответствие политической системы и режима базовым ценностям общества	9	7
3	Эффективность власти	8	5
4	Наличие серьезных противоречий, конфликтов, расколов в обществе и доминирование общегражданской идентичности населения	7	3
5	Уровень общественной поддержки власти	8	5
6	Уровень элитарной поддержки власти	9	8
7	Возможности реальной оппозиции	0	3
8	Влияние силовых структур на политику	8	10
9	Обеспечение правопорядка и безопасности	9	8
10	Внесение существенных изменений в конституцию страны	6	10
11	Соотношение формальных и неформальных институтов	7	3
12	Наличие идеологической основы	10	5
13	Наличие консолидирующего внешнего фактора	10	10
14	Функционирование системы обратной связи	6	5
15	Необходимость контроля над СМИ и СМК	0	0
16	Прочность позиций государства на международной арене	9	8
17	Частота кадровых изменений в высших эшелонах власти	10	10

Источник: составлено авторами.

и валютными кризисами. Обе системы жестко контролируют обратную связь, но Турция проявляет большую тактическую гибкость. Китай использует внешний контекст для укрепления легитимности силой, а Турция — стратегическим балансом.

Выводы и заключение

Полученные результаты демонстрируют, что устойчивость политической системы КНР носит преимущественно институциональный и стратегический характер. Она основана на способности системы к долгосрочному планированию, ценностной гомогенизации общества и использованию отлаженных институциональных протоколов для управления кризисами. Устойчивость политической системы Турции является в большей степени персонализированной и тактической. Она держится на личном авторитете лидера, способности к быстрой мобилизации и маневрированию в условиях кризиса.

Таким образом, фундаментальное различие заключается в источнике устойчивости: в Китае это сила институтов и идеологии, в Турции — сила личности лидера и

поддерживающей его коалиции. Это делает китайскую модель более предсказуемой и ориентированной на долгосрочную перспективу, а турецкую — более гибкой и адаптивной в краткосрочном периоде, но и более уязвимой к внутренним расколам и внешним шокам в долгосрочном.

Литература

1. *Билюга С. Э.* Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем // Век глобализации. 2018. № 2. С. 46–56. DOI 10.30884/vglob/2018.02.04
2. *Бобылев М. Б., Ковалева Е. В.* Концепт «политическая стабильность» в западном и отечественном политическом дискурсе последнего десятилетия // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2021. № 4. С. 89–101. EDN ZSHZIM
3. *Гаджиев Х. А., Семченков А. С.* Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах // PolitBook. 2020. № 1. С. 161–194. EDN ZFSAIY
4. *Гаджиев Х. А., Семченков А. С.* Устойчивость политической системы Республики Казахстан (Индексный анализ) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2021. № 4. С. 115–144. DOI 10.30570/2078-5089-2021-103-4-115-144
5. *Политология. Новый лексикон* / под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2023. 432 с. ISBN 978-5-7567-1279-7
6. *Решетникова Д. А.* Система Тянься и современная политика устойчивого развития Китайской Народной Республики // Устойчивое развитие: перед лицом глобальных вызовов: Сборник материалов конференции, Санкт-Петербург, 25–27 мая 2023 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. С. 268–274.
7. *Barbalet J.* Conceptualising informal institutions: Drawing on the case of guanxi // British Journal of Sociology. 2022. Vol. 74. P. 71–83. DOI 10.1111/1468-4446.12984
8. *Cai Y., Hajikanov N., Kaspereit T.* Local party committee and labor cost asymmetry // Journal of Management Control. 2024. Vol. 35 (378). P. 371–403. DOI: 10.1007/s00187-024-00380-7
9. *Cengiz F. Ç.* Proliferation of neopatrimonial domination in Turkey // British Journal of Middle Eastern Studies. 2018. DOI 10.1080/13530194.2018.1509693
10. *Huhe N., Chen J., Chen Y.* Flies, tigers, and the leviathan: anti-corruption campaigns and popular political support in China // Japanese Journal of Political Science. 2022. Vol. 23. P. 193–208. DOI 10.1017/s146810992200010x.
11. *Irgil E., Norman K. P.* Assessing the domestic political impacts of Turkey's refugee commodification // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2024. Vol. 50 (16). P. 3855–3871. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2024.2332747>
12. *Jiang J., Zeng Y.* Countering Capture: Elite Networks and Government Responsiveness in China's Land Market Reform // Forthcoming, Journal of Politics. 2018. DOI 10.2139/ssrn.3300650
13. *Kemahloğlu Ö., Yeğen Ö.* Surviving the COVID-19 Pandemic under Right-wing Populist Rule: Turkey in the First Phase // South European Society and Politics. 2021. P. 1–30. DOI: 10.1080/13608746.2021.1985497
14. *Lu J., Dickson B.* Revisiting the Eastonian Framework on Political Support: Assessing Different Measures of Regime Support in Mainland China // Comparative Politics. 2020. Vol. 52. P. 671–701. DOI 10.5129/001041520x15810803375925
15. *Lu S., Wang H.* Central Authority, Local Elite Group and the Pace of Land Market Reform in China // SSRN Electronic Journal. 2019. DOI 10.2139/ssrn.3488213
16. *Mao Y.* Political institutions, state capacity, and crisis management: A comparison of China and South Korea // International Political Science Review. 2021. Vol. 42 (3). P. 316–332. DOI 10.1177/0192512121994026
17. *Mardin Ş.* Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics? // Daedalus. 1973. N 1. P. 169–190.
18. *Masafumi I.* Xi Jinping's diplomacy and the rise of his political authority // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. Vol. 9. P. 127–143. DOI 10.1080/24761028.2020.1843217
19. *Qiu T., Li Y.* et al. Alternative modes of governance: Clans and social instability in rural China // China Economic Review. 2024. Vol. 84. DOI 10.1016/j.chieco.2024.102136
20. *Rosen A.* Political Reasons and the Limits of Political Authority // Legal Theory. 2023. Vol. 29. P. 63–88. DOI 10.1017/s1352325223000022

21. *Shichor Y.* Handling China's Internal Security: Division of Labor among Armed Forces in Xinjiang // *Journal of Contemporary China*. 2019. Vol. 28. P. 813–830. DOI 10.1080/10670564.2019.1580426
22. *Song Y., Chen B.* Are the Defense Policy and Military Expenditure in China Economically or Politically Driven? // *Journal of Chinese Political Science*. 2024. DOI 10.1007/s11366-024-09884-4
23. *Spáč P., Matejova M., Jusko J., Voda P.* Shaky ground, shaky politics? Effects of Türkiye's 2023 earthquakes on Erdoğan's political survival // *Environmental Hazards*. 2024. Vol. 1-21. P. 14–17. DOI 10.1080/17477891.2024.2442446
24. *Takeuchi H., Desai S.* Chinese politics and comparative authoritarianism: institutionalization and adaptation for regime resilience // *Japanese Journal of Political Science*. 2021. Vol. 22. P. 1–12. DOI 10.1017/S1468109921000268
25. *Tian X., Sarkis J.* et al. Greening the Belt and Road Initiative: Evidence from energy evaluation of China's provincial trade with ASEAN countries // *Fundamental Research*. Vol. 4. 2022. P. 379–393. DOI 10.1016/j.fmre.2022.11.007
26. *Yilmaz I.* Authoritarianism, Informal Law, and Legal Hybridity: The Islamisation of the State in Turkey. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. 258 p.
27. *Yilmaz I.* Islamist Parties and Power in Democratic Nation-States. A Comparative Analysis of Six Muslim-Majority Countries. Singapore, 2024. 302 p.
28. *Zhang B., Zhou W.* An empirical study of “public security centralism” in modern China and its legal and political ramifications // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2024. Vol. 76. DOI 10.1016/j.ijlcj.2023.100648
29. *Zhao M., Ma L., Chan H. S.* The Illusion of Merit in Political Leadership Selection in China // *The China Quarterly*. 2023. P. 38–58. DOI 10.1017/s0305741023000802
30. *Esen B., Gümüşcü Ş., Yavuzylmaz H.* Türkiye'nin Yeni Rejimi: Rekabetçi Otoriterlik (Новый режим Турции: конкурентный авторитаризм) Istanbul: İletişim Yayınları, 2023. 288 p. ISBN 9789750539091.
31. *Yıldız M.* Dünya Değerler Araştırması Bağlamında Türkiye Toplumunun Siyasal Anatomisi (Политическая анатомия турецкого общества в контексте исследования мировых ценностей) // *Toplum Ve Kimlik Dergisi*. 2025. Vol. 1. P. 132–146. DOI 10.5281/zenodo.14789876

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Об авторах:

Намазов Орхан Бахаддин оглы, преподаватель кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); namazov-ob@ranepa.ru, namazovorhan777@gmail.com; ORCID: 0009-0002-3381-3000

Кулеш Семен Алексеевич, преподаватель кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sem.kulesh@mail.ru; ORCID: 0009-0001-7636-413X

References

1. Bilyuga S. E. Political stability: basic approaches to the analysis of the stability of political systems // *Age of Globalization [Vek globalizacii]*. 2018. N 2. P. 46–56. (In Russ.). DOI 10.30884/vglob/2018.02.04
2. Bobylev M. B., Kovaleva E. V. The concept of “political stability” in Western and domestic political discourse of the last decade // *Abyss (Issues of philosophy, Political science and social anthropology) [Abyss (Voprosy filosofii, politologii i social'noj antropologii)]*. 2021. N 4. P. 89–101. (In Russ.). EDN ZSHZIM
3. Gadzhiev H. A., Semchenkov A. S. Index of stability of the political system: measurement experience in three countries // *PolitBook*. 2020. N 1. P. 161–194. (In Russ.) EDN ZFSAY
4. Gadzhiev H. A., Semchenkov A. S. Stability of the political system of the Republic of Kazakhstan (Index analysis) // *Politics: An analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy)*

- and Sociology of Politics) [Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)]. 2021. N 4. P. 115–144. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2021-103-4-115-144
5. Political Science. A new vocabulary / Edited by A. I. Solovyov. Moscow: Aspekt Press, 2023. 432 p. ISBN 978-5-7567-1279-7. (In Russ.).
 6. Reshetnikova D. A. The Tianxia system and the modern policy of sustainable development of the People's Republic of China // Sustainable development: facing global challenges: Proceedings of the conference, St. Petersburg, May 25–27, 2023. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2023. P. 268–274. (In Russ.).
 7. Barbalet J. Conceptualising informal institutions: Drawing on the case of guanxi // British Journal of Sociology. 2022. Vol. 74. P. 71–83. DOI 10.1111/1468-4446.12984
 8. Cai Y., Hajikanov N., Kaspereit T. Local party committee and labor cost asymmetry // Journal of Management Control. 2024. Vol. 35 (378). P. 371–403. DOI: 10.1007/s00187-024-00380-7
 9. Cengiz F. Ç Proliferation of neopatrimonial domination in Turkey // British Journal of Middle Eastern Studies. 2018. DOI 10.1080/13530194.2018.1509693
 10. Huhe N., Chen J., Chen Y. Flies, tigers, and the leviathan: anti-corruption campaigns and popular political support in China // Japanese Journal of Political Science. 2022. Vol. 23. P. 193–208. DOI 10.1017/s146810992200010x.
 11. Irgil E., Norman K. P. Assessing the domestic political impacts of Turkey's refugee commodification // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2024. Vol. 50 (16). P. 3855–3871. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2024.2332747>
 12. Jiang J., Zeng Y. Countering Capture: Elite Networks and Government Responsiveness in China's Land Market Reform // Forthcoming, Journal of Politics. 2018. DOI 10.2139/ssrn.3300650
 13. Kemahlioğlu Ö., Yeğen Ö. Surviving the COVID-19 Pandemic under Right-wing Populist Rule: Turkey in the First Phase // South European Society and Politics. 2021. P. 1–30. DOI 10.1080/13608746.2021.1985497
 14. Lu J., Dickson B. Revisiting the Eastonian Framework on Political Support: Assessing Different Measures of Regime Support in Mainland China // Comparative Politics. 2020. Vol. 52. P. 671–701. DOI 10.5129/001041520x15810803375925
 15. Lu S., Wang H. Central Authority, Local Elite Group and the Pace of Land Market Reform in China // SSRN Electronic Journal. 2019. DOI 10.2139/ssrn.3488213
 16. Mao Y. Political institutions, state capacity, and crisis management: A comparison of China and South Korea // International Political Science Review. 2021. Vol. 42 (3). P. 316–332. DOI 10.1177/0192512121994026
 17. Mardin Ş. Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics? // Daedalus. 1973. N 1. P. 169–190.
 18. Masafumi I. Xi Jinping's diplomacy and the rise of his political authority // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. Vol. 9. P. 127–143. DOI 10.1080/24761028.2020.1843217
 19. Qiu T., Li Y. et al. Alternative modes of governance: Clans and social instability in rural China // China Economic Review. 2024. Vol. 84. DOI 10.1016/j.chieco.2024.102136
 20. Rosen A. Political Reasons and the Limits of Political Authority // Legal Theory. 2023. Vol. 29. P. 63–88. DOI 10.1017/s1352325223000022
 21. Shichor Y. Handling China's Internal Security: Division of Labor among Armed Forces in Xinjiang // Journal of Contemporary China. 2019. Vol. 28. P. 813–830. DOI 10.1080/10670564.2019.1580426
 22. Song Y., Chen B. Are the Defense Policy and Military Expenditure in China Economically or Politically Driven? // Journal of Chinese Political Science. 2024. DOI 10.1007/s11366-024-09884-4
 23. Spáč P., Matejova M., Jusko J., Voda P. Shaky ground, shaky politics? Effects of Türkiye's 2023 earthquakes on Erdoğan's political survival // Environmental Hazards. 2024. Vol. 1–21. P. 14–17. DOI 10.1080/17477891.2024.2442446
 24. Takeuchi H., Desai S. Chinese politics and comparative authoritarianism: institutionalization and adaptation for regime resilience // Japanese Journal of Political Science. 2021. Vol. 22. P. 1–12. DOI 10.1017/S1468109921000268
 25. Tian X., Sarkis J. et al. Greening the Belt and Road Initiative: Evidence from energy evaluation of China's provincial trade with ASEAN countries // Fundamental Research. Vol. 4. 2022. P. 379–393. DOI 10.1016/j.fmre.2022.11.007
 26. Yılmaz I. Authoritarianism, Informal Law, and Legal Hybridity: The Islamisation of the State in Turkey. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. 258 p.
 27. Yılmaz I. Islamist Parties and Power in Democratic Nation-States. A Comparative Analysis of Six Muslim-Majority Countries. Singapore, 2024. 302 p.

28. Zhang B., Zhou W. An empirical study of “public security centralism” in modern China and its legal and political ramifications // International Journal of Law, Crime and Justice. 2024. Vol. 76. DOI 10.1016/j.ijlcrj.2023.100648
29. Zhao M., Ma L., Chan H. S. The Illusion of Merit in Political Leadership Selection in China // The China Quarterly. 2023. P. 38–58. DOI 10.1017/s0305741023000802
30. Esen B., Gümüřcü ř., Yavuzyılmaz H. Turkey’s New Regime. Competitive Authoritarianism. Istanbul: İletişim Yayınları, 2023. 288 p. ISBN 9789750539091. (In Turk.).
31. Yıldız M. The Political Anatomy of Turkish Society in the Context of World Values Research // Journal of Society and Identity [Toplum Ve Kimlik Dergisi.] 2025. Vol. 1. P. 132–146. DOI 10.5281/zenodo.14789876. (In Turk.).

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

About the authors:

Orhan B. Namazov, Lecturer of the Department of Social Technologies, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); namazov-ob@ranepa.ru, namazovorhan777@gmail.com; ORCID: 0009-0002-3381-3000

Semyon A. Kulesh, Lecturer of the Department of Social Technologies, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); sem.kulesh@mail.ru; ORCID: 0009-0001-7636-413X

Поступила в редакцию: 20.01.2026
 Поступила после рецензирования: 15.02.2026
 Принята к публикации: 15.03.2026

The article was submitted: 20.01.2026
 Approved after reviewing: 15.02.2026
 Accepted for publication: 15.03.2026

© Намазов О. Б., Кулеш С. А., 2026